

Древнія сказанія о чудесныхъ явленіяхъ Младенца-Христа въ евхаристіи.

Въ древне-русской литературѣ было распространено одно любопытное, до крайности реалистическое, объясненіе тайны пресуществленія св. даровъ. Силясь постигнуть полноту мистической идеи таинства евхаристіи, религиозная мысль въ этомъ объясненіи безпомощно прислонилась къ конкретнымъ образамъ, созданнымъ въ древности благочестивымъ творчествомъ Востока, чтобы ими выразить непостижимое. Вся внѣшняя, обрядовая видимость евхаристіи здѣсь представляется только символомъ. За нимъ таится чудесный процессъ пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа, совершающійся невидимымъ, но вполне вещественнымъ образомъ. вмѣстѣ съ видимымъ совершителемъ литургіи—священникомъ, незримыми участниками ея являются ангелы. Они служатъ священнику, вдохновляя и укрѣпляя его въ каждомъ дѣйствіи, въ каждой молитвѣ. Ихъ присутствія страшится находящійся въ храмѣ демонъ. Онъ, злобный, стоитъ у дверей церковныхъ, держа въ зубахъ стрѣлу острую и скрежеща зубами, чтобы поразить молящихся. Но передъ началомъ литургіи вѣрныхъ одинъ изъ ангеловъ изгоняетъ его изъ храма огненнымъ оружіемъ. Во время совершенія евхаристійнаго канона алтарь соединяется съ небомъ. Вслѣдъ за возгласомъ: „побѣдную пѣснь,“ когда вмѣстѣ съ людьми воспѣваютъ Тресвятого всѣ силы небесныя и четверообразныя животныя, отверзается церковная кровля, и съ неба спускается въ пламени огненномъ множество ангеловъ неопишуемой красоты. Среди нихъ спускается на трапезу Божественный Младенецъ. Всѣ ангелы горятъ огнемъ, изъ

нихъ исходятъ вѣщанія, какъ пламень огненный. Пламенемъ зажигается и видимый совершитель таинства—священникъ: онъ становится огненнымъ съ головы и до ногъ. Весь алтарь превращается въ огнедышащее пламя. Среди огня совершается „страшная вещь“. Какъ только произнесетъ священникъ: „святая святымъ“, „тогда ангели, имуще ножа, держаще въ роукоу отроча, и зарѣжають е, и кровь его источать въ святоую чашау, тѣло же рѣжуще кладуть на хлѣбъ. і бываеть хлѣбъ в тѣло и крсьв Господа нашего Исуса Христа“. Послѣ причащенія вѣрующихъ и окончанія литургіи св. дары возносятся ангелами обратно на небо.

Въ такомъ видѣ, съ незначительными вариациями въ частностяхъ, реалистическое изображеніе евхаристіиной тайны было распространено въ различныхъ редакціяхъ „Толковой литургіи“, сохранившейся въ многочисленныхъ русскихъ и южно-славянскихъ спискахъ XIV—XVII вв. Оно входитъ туда эпизодически, въ сплоченіи съ символическими и мистическими толкованіями литургіиныхъ деталей и разныхъ принадлежностей храма, заимствованными изъ сочиненій Германа, патріарха Константинопольскаго, и Софронія Іерусалимскаго. Но крайній реализмъ представленій выдѣляетъ этотъ рядъ экзегетическихъ эпизодовъ въ нѣчто своеобразное, чего не встрѣчаемъ ни у Германа, ни у Софронія, ни у другихъ толкователей литургіи. Источникъ, въ непосредственной зависимости отъ котораго въ данномъ случаѣ стоитъ „Толковая литургія“, указанъ былъ первымъ издателемъ ея, проф. Н. Ѳ. Красносельцевымъ ¹⁾. Это—„Слово св. Григорія о святой службѣ“, разумѣется, ему не принадлежащее. Многочисленные славянскіе и русскіе списки Слова (XIV—XVII вв.) восходятъ къ еще не найденному греческому оригиналу, отраженному въ складѣ славянской рѣчи. Славянской переводъ его принадлежитъ къ числу очень древнихъ. Объ этомъ заключаемъ на основаніи рѣдкихъ лексическихъ особенностей, встрѣтившихся намъ въ спискѣ Слова, входящемъ въ Златую цѣпь Троицко-Сергіевской лавры, XIV в.,

¹⁾ Н. Красносельцевъ, „Толковая служба“ и др. сочиненія, относящіяся къ объясненію богослуженія въ древней Руси до XVIII вѣка. *Православный Собес.*, 1878, май, стр. 3 слѣд. Стр. 11—19: текстъ Толковой литургіи и Слова св. Григорія.

№ 11, особенно *прибожекъ*—*vestibulum* (?), ср. др.—русск. *прибожьникъ*; *благовѣщеніе*—*εὐαγγέλιον*, въ смыслѣ богослужебной книги. Вещественный процессъ заколѣнія ребенка ангелами въ Словѣ, приписываемомъ Григорію, раскрывается въ формѣ таинственнаго откровенія, котораго сподобился разсказчикъ, мнимый Григорій Богословъ. Онъ самъ созерцаль ангеловъ, литургисавшихъ среди пламени, слышалъ ихъ возгласы, видѣлъ изгнаніе діавола изъ храма и заколѣніе ребенка на трапезѣ. Рѣчь ведется діалогически, въ видѣ отвѣта на вопросъ святыхъ отцовъ, собравшихся къ великому богослову и спросившихъ его о тайнѣ безкровной службы.

Предполагаемый греческій оригиналъ Слова Григорія отразился довольно ясными слѣдами еще въ одномъ памятникѣ—греческаго происхожденія: въ „Греческой литургіи въ картинахъ“, сохранившейся въ ркп. 1600 г. и описанной Анжело Май¹⁾. Девять картинъ иллюстрируютъ здѣсь основные моменты таинственнаго созерцанія Григорія и его толкованія литургіи. Вотъ ихъ содержаніе: 1) въ храмѣ, окруженный монахами, сидитъ Григорій Богословъ; 2) диаконъ, возглашающій: *ἐν εἰρήνῃ Θεῶν δεηθῶμεν*; 3) священникъ, поддерживаемый ангелами, совершаетъ малый входъ; 4) священникъ, диаконъ и архангелы съ надписями: *ἔφη Μιχαὴλ ὁ ἄρχων—σοφία καὶ ὁ Γεζαὶήλ—πρόβχομεν*; 5) чтеніе евангелія съ поднимающимся вверхъ огнемъ: *ἕκαστος Λόγος τοῦ ἁγίου Εὐαγγελίου, ὡς πῦρ ἐγένετο καὶ ἐφθάσεν μέχρι τοῦ οὐρανοῦ*; низверженіе архангеломъ Михаиломъ діавола въ огонь: *εἰς τὸ ἐξώτερον πῦρ*; 6) великій входъ, во время котораго ангелы сопровождаютъ священника: *βασιτάζονται μετὰ των ἁγιασμένων*; 7) священникъ, совершающій освященіе даровъ, вверху ангелы съ отрокомъ Иисусомъ посрединѣ: *πυρὸς θλὸς ἔπεθεν ἐπὶ τὸν ἱερέα καὶ ἐγένετο ὁ ἱερεὺς φλογόπυρος ἀπὸ τῆς κορυφῆς ἕως τῶν ὀνύχων αὐτοῦ*; 8) священникъ причащаетъ вѣрующихъ; 9) ангелы возносятся на небо приношенія, представленныя въ видѣ отрока Иисуса: *ἐκκλησίας ἀπαρχαὶ εἰς τὸν οὐρανὸν ἀνεο-*

¹⁾ Н. В. Покровский, Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ. Труды седьмого археологическаго съѣзда, т. I, М. 1890, стр. 267—268. Греческій текстъ у *Migne*—а, *Patrol. cours. compl., gr. ser., XCIX*, р. 1689—1692. Переводъ—въ Сборникѣ на 1866 г., изд. Обществомъ древне-русскаго искусства, 117—118.

χοιρευσι. Анжело Май пытался объяснить всё эти изображенія на основаніи литургическихъ толкованій Софронія, Теодора Андидскаго, Кирилла Александрійскаго, но сравненіе ихъ съ славянскимъ текстомъ Слова Григорія ясно показываетъ, что художникъ имѣлъ у себя передъ глазами его греческій прототипъ.

Литературная исторія Слова Григорія тѣсно связана съ цѣлымъ рядомъ благочестивыхъ сказаній, развивающихъ тотъ же мотивъ чудеснаго откровенія евхаристіи въ образѣ жертвеннаго младенца, но уже вплетенный въ болѣе или менѣе сложную эпическую ткань. Эти сказанія были извѣстны и византійской, и средневѣковымъ западнымъ, и русской литературамъ; послѣдней-то какъ переводныя заимствованія изъ первыхъ, то какъ самостоятельныя переработки этихъ заимствованій. Въ различныхъ повѣствовательныхъ пересказахъ созерцаніе въ евхаристіи младенца разнообразится въ подробностяхъ и краскахъ, въ именахъ и географическихъ приуроченіяхъ. Иногда оно развивается безъ сопутствующихъ подробностей о служеніи ангеловъ, огнѣ и проч. Но основной сюжетъ оказался живучимъ, отвѣтивъ потребности выразить конкретно мистическую сущность таинства. Въ многообразной судьбѣ своей онъ чаще всего, хотя и не всегда, соединялся съ другимъ широко-распространеннымъ сюжетомъ: обращеніемъ къ вѣрѣ сомнѣвающагося или совсѣмъ невѣрнаго—посредствомъ видѣнія, открывающаго какую-либо религіозную тайну. Соединеніе этихъ двухъ сюжетовъ въ разновременныхъ и разноязычныхъ пересказахъ имѣло слѣдствіемъ иногда даже аналогію дѣйствующихъ лицъ и сходство положеній: подъ вліяніемъ евхаристійнаго чуда сомнѣвающійся, нечестивый или невѣрный, всего чаще подвижникъ, священникъ или царь, отъ скепсиса или невѣрія переходитъ къ ужасу, умиленію и вѣрѣ. Рѣже евхаристійное чудо является наградой за благочестіе и вѣрность. Въ одномъ случаѣ, въ средне-вѣковой обработкѣ, оно открывается дитяти.

Восточныя и западныя сказанія о чудесномъ откровеніи евхаристійнаго младенца нѣсколько разъ уже обращали на себя вниманіе послѣдователей—г. Kaluzniaski, отчасти проф. Сумцова и особенно—покойнаго А. Н. Веселовскаго. Г. Kaluzniaski принадлежитъ первое изданіе одного изъ такихъ

сказаній на славянскомъ языкѣ—легенды о видѣніи Амфилога, царя сарацинскаго ¹⁾, но послѣдующая его работа ²⁾, посвященная сравненію этой легенды съ *Λόγος ἱστορικὸς* Григорія Декаполита, написана безъ предварительнаго ознакомленія съ трудами А. Н. Веселовскаго. Между тѣмъ послѣднимъ уже давно собраны и приведены въ извѣстность нѣкоторыя параллельныя обработки интересующаго насъ сюжета,—въ томъ числѣ и *Λόγος ἱστορικὸς*,—и освѣщено ихъ развитіе въ широкой исторической перспективѣ. Онъ часто любилъ возвращаться къ этому сюжету и въ своихъ классическихкихъ „Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха“ ³⁾, и въ изслѣдованіяхъ средневѣковыхъ легендъ о св. Гралѣ ⁴⁾, почти каждый разъ попутно вводя въ районъ оравненій все новые пересказы. Однакожъ, имъ далеко не исчерпаны всѣ возможныя параллели, даже наиболѣе характерныя для исторіи развиваемаго въ нихъ сюжета. Пользуясь главными результатами его наблюденій, мы попытаемся привлеченіемъ новыхъ сравненій дать матеріаль для углубленія и расширенія исторіи этого сюжета въ византійской, западной и русской литературахъ.

Древнѣйшіе виды повѣстей о созерцаніи закалаемаго евхаристійнаго младенца относятся къ древне-христіанской патеричной литературѣ. Здѣсь чудомъ возвращаются къ вѣрѣ въ евхаристію усомнившіеся въ ней подвижники. Одинъ такой разсказъ, уже отмѣченный А. Н. Веселовскимъ ⁵⁾, вхо-

¹⁾ Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ бібліотекахъ и архивахъ Львовскихъ. Кіевъ 1877. Напечатано по сборн. Львовскаго Св.—Онуфріевскаго монастыря № XVШ (993—998 стр.). Ср. *Сумцовъ*, Очерки исторіи южно-русскихъ апакрифическихъ сказаній и пѣсенъ, *Кіевск. Старина*, 1887, стр. 51 слѣд.

²⁾ Die Legende von der Vision Amphilog's und der *Λόγος ἱστορικὸς* des Gregorios Dekapolites, *Archiv für slavische Philologie* 1903, В. 25, р. 101—108.

³⁾ А. Н. Веселовскій, Амфилогъ—Evalach въ легендѣ о св. Гралѣ. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, XVII (Сборникъ Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ, т. 46, 1890 г., стр. 332 слѣд.) Ср. *Журналъ мин. нар. просв.*, 1889 г., т. 262, стр. 371 слѣд.—Разысканія, XXI: Къ видѣнію Амфилога (Сборникъ Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ, т. 53, 1892 г., стр. 135 слѣд.).

⁴⁾ Гдѣ сложилась легенда о Святомъ Гралѣ? Извѣстія отдѣл. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ, 1900 г., т. 5, 393 слѣд.

⁵⁾ Разысканія, XVII, стр. 336—337.

дять составнымъ элементомъ какъ въ *Aporhtegmata patrum* ¹⁾, такъ и въ древній скитскій патерикъ, изложенный по главамъ,—въ неизданный его греческій текстъ и въ латинскій переводъ, изданный Росвейдою и Минемъ ²⁾. Русской литературѣ этотъ рассказъ сдѣлался извѣстнымъ изъ славянскихъ переводовъ названныхъ патериковъ. Въ немъ передается аввою Данииломъ со словъ аввы Арсенія, современника Θεодосія Великаго, какъ одинъ благочестивый, но простодушный скитянинъ, отрицавшій пресуществленіе св. даровъ, по молитвѣ двухъ старцевъ, вмѣстѣ съ ними увидѣлъ закланіе младенца ангеломъ на престолѣ. Причащаясь, онъ получилъ окровавленное мясо, превратившееся снова въ хлѣбъ только послѣ исповѣданія имъ вѣры въ таинство.

Другой патеричный рассказъ съ аналогичнымъ, но болѣе распространеннымъ, содержаніемъ остался А. Н. Веселовскому неизвѣстенъ ³⁾. Онъ также усвоится аввѣ Даниилу, но сохранился только въ греческихъ спискахъ патерика скитскаго (поглавнаго), не проникнувъ ни въ латинскій переводъ его, ни въ *Aporhtegmata patrum*. Въ древне-русской литературѣ этотъ рассказъ былъ распространенъ отдѣльно отъ скитскаго патерика. Онъ усвоился Ефрему Сирину и—съ именемъ „слова о проскурѣ, рекше о компаніи“ или „откровении о проскурѣ соблазнившемуся врату“—входилъ во многіе списки и печатныя изданія Паренесиса и Пролога (подъ 30 сентября), а также въ Макарьевскія Четвіи—Минеи и въ разные сборники смѣшаннаго состава. Иногда въ сборникахъ, какъ напр., въ ркп. № 77 библ. Моск. Дух. Акад., помѣщается механически сокращенная редакція его (л. 114 об.—115). Причина, по которой древне-славянскій переводчикъ скитскаго патерика выпустилъ этотъ рассказъ, заключается въ неправославномъ толкованіи евхаристіи, содержащемся въ немъ. По этой же причинѣ и въ разнообразныя сборники онъ проникъ въ сокращенномъ видѣ. Даже въ новомъ переводѣ патерика ⁴⁾ въ

1) Migne, Patrol., graec., t. 65, стр. 156 слѣд. Русскій переводъ въ „Достопамятныхъ сказаніяхъ о подвижничествѣ св. отцевъ“, М. 1846, стр. 79—81.

2) Migne, Patrol., lat., t. 73, стр. 978.

3) Его касается г. *Кадлубовскій* въ Очеркахъ по исторіи древнерусской литературы житій святыхъ, Варшава, 1902, 150 слѣд.

4) Древній патерикъ, изложенный по главамъ, М. 1874, стр. 393—395.

немъ безъ всякой оговорки пропущено соблазнительное мѣсто ¹⁾).

Въ виду интереса, представляемаго повѣстью аввы Даниила для исторіи развитого въ ней сюжета, издаемъ цѣликомъ еще неизданный греческій текстъ ея по рукописи Моск. Синод. библ. № 163, XI в., представляющей собою древній патерикъ, изложенный по главамъ²⁾. Принимаемъ въ расчетъ также текстъ уцѣлѣвшей половины повѣсти въ ркп. Моск. Синод. библ. № 345, X в., представляющей собою соединеніе азбучнаго патерика съ поглавнымъ; за утратой лл.—второй половины повѣсти здѣсь, къ сожалѣнію, не достааетъ. Параллельно помѣщаемъ полный русскій переводъ.

[л. 174r] Ἐλεγε δὲ καὶ περὶ ἑτέρου τινὸς ἀδελφοῦ, ὅτι γενναίης συνάξεως ἐν ἡμέρα κυριακῆς ἀνέστη κατὰ τὸ ἔθος ἀπελθεῖν εἰς τὴν ἐκκλησίαν καὶ ἐχλεύασεν αὐτὸν ὁ διάβολος λέγων· ποῦ ἀέρῃ; εἰς τὴν ἐκκλησίαν; καὶ τίνας χάριν; ἢ ἵνα μεταλάβῃς ἄρτου καὶ οἴνου καὶ εἰπωσί σε³⁾, ὅτι τὸ σῶμα καὶ αἷμά ἐστι τοῦ Κυρίου; μὴ χλευάσῃ. ὁ δὲ [л. 174v] ἀδελφὸς ἐπέσθη τῷ λογισμῷ καὶ οὐκ ἀπῆλθεν εἰς τὴν ἐκκλησίαν. Τῶν δὲ ἀδελφῶν ἐκδεχομένων αὐτὸν, οὕτως γὰρ ἐστὶν ἡ συνήθεια μὴ πρότερον ποιεῖν σύναξιν, ἕως ἂν πάντες παραγένονται, καὶ βραδύναν·

Сказалъ же (авва Данииль) и о другомъ нѣкоторомъ братѣ: Когда было молитвословіе въ день воскресный, онъ поднялся по обыкновенію идти въ церковь. И посмѣялся надъ нимъ діаволъ, говоря: „куда ты идешь? въ церковь? и для чего? развѣ для того, чтобы получить хлѣба и вина и чтобы тебѣ сказали, что это тѣло и кровь Господа? не подвергай себя посмѣянію“. Братъ повѣрилъ помыслу и не пошелъ въ церковь. Братья ожидаютъ его, потому что есть обычай не начинать мо-

1) Вотъ это мѣсто по греч. ркп. Синод. библ., XI в., № 163, л. 175 r: ὡπερ γὰρ ἐξ ἀρχῆς ὁ Ἀδάμ, διὰ τῶν χειρῶν πλασθεὶς τοῦ Θεοῦ, ἐγενέτο σὰρξ, καὶ ἐνεφύσασεν εἰς αὐτὸν ὁ Θεὸς πνεῦμα ζωῆς· καὶ ἡ μὲν σὰρξ ἐχωρίσθη εἰς τὴν γῆν, τὸ δὲ πνεῦμα ἔμεινεν· οὕτως καὶ ὁ Χριστὸς δίδει τὴν ἑαυτοῦ σάρκα σὶν τῷ ἀγίῳ Πνεύματι· καὶ ἡ μὲν σὰρξ σπανίζεται εἰς τὸν οὐρανόν, τὸ δὲ Πνεῦμα ἵσταται εἰς τὴν καρδίαν.

2) Приношу глубокую благодарность Вице-Президенту Имп. Акад. Наукъ П. В. Никитину за доставленную мнѣ выписку изъ ркп. Моск. Синод. библ. № 163. Редакція текста принадлежитъ мнѣ, и отвѣтственность за возможные погрѣшности въ немъ лежитъ, разумѣется, на мнѣ.

3) Такъ въ обоихъ спискахъ.

τος ἀπέρχονται πρὸς αὐτὸν λέγοντες, μήποτε ἄσθερῆ ὁ ἀδελφός; καὶ δὴ εὐρόντες αὐτὸν ἐν τῷ κελλίῳ ἐκινθάρησαν παρ' αὐτοῦ τὴν αἰτίαν, δι' ἣν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ οὐ παρεγένετο. Ὁ δὲ ἐρυσθηῶν ἀπαγγέλλαι τὴν αἰτίαν ὅμως λέγει αὐτοῖς: συγχρησάτε μοι, ἀδελφοί, ὅτι ἐνέστη(ν) κατὰ τὸ ἔθος καὶ ἠτύχησεν ἑμαυτὸν ἐλθεῖν εἰς τὴν ἐκκλησίαν καὶ εἶπε μοι ὁ λογισμός, ὅτι οὐκ ἔστι σῶμα καὶ αἷμα τοῦ Κυρίου, ὅπερ ἀπέρχη μεταλαβεῖν, ἀλλ' ἄρτος καὶ οἶνος· εἰ οὖν θέλετε, ἵνα ἔλθω μεθ' ὑμῶν, θεραπεύσατέ μου τὸν λογισμὸν περὶ τῆς ἁγίας προσφορᾶς· οἱ δὲ εἶπον αὐτῷ· ἀνάστα, ἐλθέ μεθ' ἡμῶν, καὶ ἡμεῖς παρακαλοῦμεν τὸν Θεόν, ἵνα σοι φανερώσει θείας δυνάμεις ἐν τῇ ἁγίᾳ ἐκκλησίᾳ κατερχομένην. Καὶ ἀναστὰς ἦλθε μετ' αὐτῶν εἰς τὴν ἐκκλησίαν καὶ γενομένης πολλῆς ἱκεσίας πρὸς τὸν Θεὸν περὶ τοῦ ἀδελφοῦ, ὅπως φανερωθῆι αὐτῷ ἡ τῶν θείων μυστηρίων δύναμις, οὕτως ἤρξαντο ἐπιτελεῖν τὴν σύναξιν, στήσαντες τὸν ἀδελφὸν μέσον τῆς ἐκκλησίας· καὶ μέχρι τῆς ἀπολύσεως οὐκ ἐπαύσατο δάκρυσι βρέχων καὶ ἀποπλύνων τὴν ὄψιν αὐτοῦ· μετὰ δὲ τὴν σύναξιν προσκαλεσόμενοι ἀνηρώτων αὐτὸν λέγοντες· εἰ τί σοι ἔδειξεν ὁ Θεός, ἀπαγγέλλον ἡμῖν, ἵνα καὶ ἡμεῖς ὠφεληθῶμεν. Ὁ δὲ μετὰ κλαυθμοῦ ἤρξατο λέγειν αὐτοῖς, ὅτι ὡς ἐγένετο ὁ κανὼν τῆς ψαλμοδίας καὶ ἀνεγνώσθη ἡ τῶν ἀποστόλων διδασχὴ καὶ προῆλθεν ὁ δίκαιος τοῦ ἀγαθῶ-

литвословія, пока не явятся всѣ. Онъ медлилъ. Они приходять къ нему, говоря: не боленъ-ли братъ, и найдя его въ келліи, стали спрашивать его о причинѣ, по которой онъ не присутствовалъ въ церкви. Онъ же, хотя и стыдясъ рассказать о причинѣ, однако говорить имъ: „простите меня, братья; я поднялся по обыкновенію и приготовился идти въ церковь, и сказалъ мнѣ помысль: не есть тѣло и кровь Христа то, что ты идешь получить, но хлѣбъ и вино; итакъ, если хотите, чтобы я шель съ вами, уврачуйте мой помысль о святомъ приношеніи“. Они же сказали ему: „вставай, иди съ нами, и мы будемъ просить Бога, чтобы Онъ явилъ тебѣ божественную силу, нисходящую въ святой церкви“. Вставши, онъ пошелъ съ ними въ церковь. И много помолившись о братѣ, чтобы явлена была ему сила божественныхъ таинствъ, начали совершать службу, поставивъ брата среди церкви. Онъ до отпуста не переставалъ слезами орошать и обливать лице свое. Послѣ службы, призвавши, спросили его, говоря: „если что-нибудь открылъ тебѣ Богъ, повѣдай намъ, чтобы и мы получили пользу“. Онъ же съ плачемъ началъ говорить имъ: „когда былъ канонъ пѣ-

και τὸ μεγαλεῖον, εἶδαν τὴν στέ-
 γην τῆς ἐκκλησίας ἀνεωχθεῖσαν
 καὶ τὸν οὐρανὸν φαινόμενον, καὶ
 ἕκαστος λόγος τοῦ εὐαγγελίου
 ὡς πῦρ ἐγένετο καὶ ἐφθάνεν ἕως
 τοῦ οὐρανοῦ· ὡς δὲ καὶ τοῦ ἁγίου
 εὐαγγελίου ἐγένετο ἡ καθοσίω-
 σις καὶ προῆλθον οἱ κληρικοὶ ἐκ
 τοῦ διακονικοῦ κατέχοντες τὴν τῶν
 ἁγίων μυστηρίων μετάληψιν, εἶδον
 πάλιν τοὺς οὐρανοὺς ἀνοιγομένους
 καὶ κατερχόμενον πῦρ καὶ μετὰ
 τοῦ πυρὸς πλῆθος ἁγίων ἀγγέλων
 καὶ ἐν μέσῳ αὐτῶν ἄλλα δύο πρό-
 σωπα ἐναρετά, ἃ οὐκ ἔξδν διηγήσασ-
 θαι τὰ κάλλη αὐτῶν, ἦν γὰρ τὸ φέγ-
 γος αὐτῶν ὡς ἀστραπή, καὶ ἐν μέσῳ
 τῶν δύο προσώπων μικρὸν παιδίον
 καὶ οἱ μὲν ἅγιοι ἄγγελοι ἕστησαν
 κύκλῳ τῆς ἁγίας τραπέζης, τὰ δὲ
 δύο πρόσωπα ἐπάνω αὐτῆς καὶ τὸ
 παιδίον ἐν μέσῳ αὐτῶν καὶ ὡς
 ἐγένετο ἡ καθοσίωσις τῶν ἁγίων
 εὐχῶν καὶ ἠγγείσαν οἱ κληρικοὶ
 [л. 175 г] κλίσσαι τοὺς ἄρτους τῆς
 προθέσεως, εἶδον τὰ δύο πρόσωπα,
 ὅτι ἐκράτησαν τὰς χεῖρας καὶ τοὺς
 πόδας τοῦ πεδίου καὶ κατεῖχον
 μάχαιραν καὶ ἔσφαξαν αὐτὸ καὶ
 ἐκένωσαν τὸ αἷμα αὐτοῦ εἰς ποτή-
 ριον καὶ κατακόψαντες τὸ σῶμα
 αὐτοῦ ἔθηκαν ἐπάνω τῶν ἄρτων
 καὶ ἐγένοντο οἱ ἄρτοι σῶμα· ὡς
 δὲ προσήγγεισαν οἱ ἀδελφοὶ μετα-
 λαβεῖν, ἐδώθη αὐτοῖς σῶμα· καὶ
 ὡς ἐπεκαλοῦντο λέγοντες τὸ ἀμὴν,
 ἐγένετο ἄρτος εἰς τὰς χεῖρας αὐ-
 τῶν ὡς δὲ κἀγὼ ἦλθον μεταλαβεῖν,
 ἐδώθη μοι σῶμα καὶ οὐκ ἦδυν-
 νάμην αὐτὸ φαγεῖν καὶ ἦκουσα

сношѣнія и прочитано было
 ученіе апостоловъ и вышелъ
 диаконъ читать евангеліе, я
 видѣлъ кровлю церковную
 отверстую и небо откры-
 тое, и каждое слово еван-
 гелія было какъ огонь и вос-
 ходило до небесъ. Когда же
 было окончено святое еван-
 геліе и вышли клирики изъ
 диаконника, держа святыхъ
 таинъ причастіе, я увидѣлъ
 снова отверзшіяся небеса и
 сходящій огонь и съ огнемъ
 множество святыхъ ангеловъ
 и среди нихъ инья два чуд-
 нья лица, красоты которыхъ
 нельзя и выразить, потому
 что сіяніе ихъ было, какъ
 молнія, и среди двухъ лицъ
 малое дитя. Святые ангелы
 стали вокругъ святой тра-
 пезы, а два лица надъ нею
 и дитя посреди ихъ. Когда
 были совершены святяя мо-
 литвы и приблизились кли-
 рики раздробить хлѣбы пред-
 ложенія, я видѣлъ, что два ли-
 ца держали дитя за руки и но-
 ги, и взяли ножъ и заколо-
 ли его и источили кровь его
 въ потиръ и, разсѣкши тѣло
 его, положили поверхъ хлѣ-
 бовъ, и сдѣлались хлѣбы тѣ-
 ломъ. Когда подошли братья
 принять, дано было имъ тѣ-
 ло, а когда они стали взывать,
 говоря: аминь, оно станови-
 лось хлѣбомъ въ ихъ ру-
 кахъ. Когда и я подошелъ

φωνῆς λεγούσης μοι: διὰ τι οὐ μεταλαμβάνεις; οὐ τοῦτο ἔστι ὅπερ ἐπεσητεῖς; καὶ γὰρ εἶπον Ἰλεως ἔστω μοι. Κύριε, σῶμα οὐ δύναμαι φαγεῖν καὶ εἶπε μοι εἰ δυνατόν ἦν ἀνθρώπῳ σῶμα φαγεῖν, σῶμα ἐν εὐρώμῳ, καθὼς οὐ ἐώρακας; ἀλλ' ἐπειδὴ οὐδεὶς δύναται σῶμα φαγεῖν, διὰ τοῦτο ἔταξεν ὁ Κύριος ἄρτους τῆς προθέσεως ὡς περ γὰρ ἐξ ἀρχῆς ὁ Ἀδάμ, διὰ τῶν χειρῶν πλασθεὶς τοῦ Θεοῦ, ἐγένετο σὰρξ καὶ ἐνεφύσισεν εἰς αὐτὸν ¹⁾ ὁ Θεὸς πνεῦμα ζωῆς· καὶ ἡ μὲν σὰρξ ἐχωρίσθη εἰς τὴν γῆν, το δὲ πνεῦμα ἔμεινεν οὕτως· καὶ ὁ Χριστὸς δίδει τὴν ἑαυτοῦ σάρκα σὺν τῷ ἁγίῳ Πνεύματι καὶ ἡ μὲν σὰρξ σπανίζεται εἰς τὸν οὐρανόν, τὸ δὲ Πνεῦμα ἴστανται εἰς τὴν καρδίαν· εἰ οὖν ἐπίστευσας, μετάλαβε ὃ κατέχεις εἰς τὴν χεῖρα σου· καὶ γὰρ εἶπον πιστεύω, Κύριε· καὶ τοῦτο μου εἰπόντος ἐγένετο τὸ σῶμα, ὅπερ ἐν τῇ χειρὶ μου κατεῖχον, ἄρτος· καὶ εὐχαριστήσας τῷ Θεῷ μετέλαβον τῆς ἁγίας προσφορᾶς· ὡς δὲ ἡ σὺναξις προέκοψε(ν) καὶ ἦλθον οἱ κληρικοὶ ἐπὶ τὸ αὐτῶν, εἶδον πάλιν τὸ παιδίον ἐν μέσῳ τῶν δύο ζώων· καὶ τῶν κληρικῶν συσσελλόντων τὰ ἅγια δῶρα, εἶδον πάλιν τὴν στέγην τῆς ἐκκλησίας ἀνοικομήτηκαὶ τὰς θείας δυνάμεις εἰς οὐρανὸς ἀνυψωθείσας. Ταῦτα ἀκούσαντες οἱ ἀδελφοὶ ἐμνήσθησαν τοῦ ἀποστόλου λέγοντος, ὅτι τὸ πάσχα ἡμῶν ὑπὲρ ἡμῶν ἐτόθη Χριστός·

принять, мнѣ дано было тѣло, и я не могъ вкусить его. И услышалъ я голосъ, говорящій мнѣ: почему не принимаешь? не есть ли это то, чего ты искалъ. А я сказалъ: будь милостивъ ко мнѣ, Господи; тѣла я не могу вкусить. Онъ отвѣтилъ мнѣ: если бы можно было челоувѣку вкушать тѣло, тѣло и находилось бы, какъ ты видѣлъ, но такъ какъ никто не можетъ ѣсть тѣло, поэтому установилъ Господь хлѣбы предложенія. Подобно тому какъ вначалѣ Адамъ, созданный руками Божиими, былъ плотью, и вдохнулъ въ него Богъ духъ жизни, и плоть отошла въ землю, духъ же остался,— такъ и Христосъ даетъ тѣло свое съ святымъ Духомъ, и тѣло удаляется на небо, Духъ же нисходитъ въ сердце. Итакъ, если вѣришь, прими то, что ты держишь въ рукѣ твоей. Я сказалъ: вѣрю, Господи. И когда я сказалъ, то тѣло, которое я держалъ въ рукѣ моей, стало хлѣбомъ, и возблагодаривъ Бога, принялъ я святую просфору. Когда же окончилась служба и пошли клирики въ свое мѣсто, я опять видѣлъ дитя среди двухъ животныхъ; и когда клирики потребили святыя дары, я снова увидѣлъ открытую кровлю церковную

1) Въ ркп. αἰεὶδ.

καὶ καταυγάντες ἀνεχώρησαν εἰς τὰ κελία αὐτῶν, δοξάζοντες καὶ αἰνοῦντες τὸν Θεόν, τὸν ποιῦντα μεγάλα θαυμάσια.

и небесныя силы, возносившіяся на небеса. Услышавъ это, братья вспомнили апостола, говорящаго: „пасха наша за ны пожреть бысть Христось“, и въ умиленіи отправились въ келліи свои, прославляя и хваля Бога, творящаго великія чудеса.

По общему содержанию это сказаніе близко напоминаетъ собою первый рассказъ аввы Даниїла: какъ и тамъ, завязкой событія здѣсь служить скепсисъ подвижника, развязкой—укрѣпленіе въ немъ вѣры въ евхаристію. Но въ самомъ видѣніи есть интересныя подробности, близко роднящія его съ Словомъ Григорія Богослова, при чемъ сходство простирается иногда до полнаго совпаденія въ выраженіяхъ. Только въ Словѣ Григорія отдѣльные моменты созерцанія опредѣленнѣе приурочиваются къ соотвѣтствующимъ моментамъ литургіи. Сравнимъ совпадающія мѣста.

Патерикъ.

καὶ προῆλθεν ὁ διάκονος τοῦ ἀναγνώσαι τὸ μεγαλεῖον (—εὐαγγέλιον) εἶδον τὴν στέγην τῆς ἐκκλησίας ἀνεσίχθισαν καὶ τὸ οὐρανὸν φαινόμενον καὶ ἕκαστος λόγος τοῦ εὐαγγελίου ὡς πῦρ ἐγένετο καὶ ἐφθάνεν ἕως τοῦ οὐρανοῦ. ὡς δὲ καὶ τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου ἐγένετο ἡ καθοσίωσις., εἶδον πάλιν τοὺς οὐρανοὺς ἀνοιγομένους καὶ κατερχόμενον πῦρ καὶ μετὰ τοῦ πυρὸς πλῆθος ἁγίων ἀγγέλων καὶ ἐν μέσῳ αὐτῶν ἄλλα δύο πρόσωπα ἐναρετά, ἃ οὐκ ἐξὸν διηγήσασθαι τὰ κάλλη αὐτῶν, ἦν γὰρ τὸ φέγγος αὐτῶν ὡς ἀστραπή, καὶ ἐν μέσῳ τῶν δύο προσώπων μικρὸν παιδίον· καὶ οἱ μὲν ἱεροὶ ἄγγελοι ἔστησαν κύκλῳ τῆς ἐκκλησίας, τὰ δὲ

Слово Григорія Богослова ¹⁾.

...и егда чтется святое евангеліе, видѣхъ покровъ церковный отверсть. и небо баше видѣти и коеждо слово еуангельское аки огонь всхождаше до небесе.

и егда речеть іереи побѣдную пѣснь поюща възопиюща. видѣхъ тогда покровъ церковный отверсть и небо являющесе. и огонь пламенень грядущъ. и по пламени множества ангель. и по ангелѣхъ видѣхъ лица добротѣнна. имже нѣсть лѣпо како исповѣдати доброты. бѣ бо въ-

¹⁾ По изд. Красносельцева, стр. 13 слѣд.

δύο πρόσωπα ἐπίνω αὐτῆς καὶ το
παίδιον ἐν μέσῳ αὐτῶν.

..εἶδον τὰ δύο πρόσωπα, ὅτι
ἐκράτησαν τὰς χεῖρας καὶ τοὺς πόδας
τοῦ παιδίου καὶ κατέειπον μάχαιραν
καὶ ἔσφαξαν αὐτὸ καὶ ἐκένωσαν
τὸ αἷμα αὐτοῦ εἰς ποτήριον καὶ
κατακόψαντες τὸ ὄμμα αὐτοῦ ἔθη-
καν ἐπίνω τῶν ἄρτων καὶ ἐγένοντο
οἱ ἄρτοι ὄμμα.

εἶδον πάλιν τὴν στέγην τῆς ἐκ-
κλησίας ἀνοικομένην καὶ τὰς θείας
δυνάμεις εἰς οὐρανοὺς ἀνυψωθεί-
σας.

Имѣя въ виду несомнѣнную древность скитскаго патерика, можно съ большой долей вѣроятности предполагать зависимость Слова Григорія Богослова отъ разсказа аввы Даниїла, если только они не восходятъ къ общему первоисточнику. Дополненія и вставки, проникшія въ Слово Григорія изъ другихъ источниковъ, относятся къ толкованію различныхъ моментовъ литургіи вообще, а не таинства евхаристіи въ частности.

Изъ другихъ сказаній ближе всего, по своему содержанію, сосѣдять съ Словомъ Григорія восточныя и западныя переработки древняго сказанія объ обращеніи въ христіанство, чрезъ созерцаніе евхаристіи, какого-то сарацинскаго царя. Въ византійской литературѣ это сказаніе—*Λόγος ἱστορικὸς et cet.* ¹⁾—приписывалось Григорію Декаполиту (820). Здѣсь откровеніе, обращающее сарацина къ вѣрѣ, заключается въ заколѣніи дитяти священникомъ, но не ангелами. Географи-

щанія яко пламень горящъ и огньніи ангели сташа окрестъ святыя трапезы и отроча посредѣ ихъ...

и егда речеть іереи святаа святымъ. тогда видѣхъ ангела имауща ножъ и отроча на руку. и закласта и источиста кровь его въ святую чашоу. а тѣло его рѣжауща кладяста горѣ на хлѣбъ и бысть хлѣбъ тѣло...

и егда речеть діаконъ с миромъ изыдемъ и тогда видѣхъ божественныя силы и начятки церковныя возносящяся рекше божественныя дары на небо всходяща.

¹⁾ *Λόγος ἱστορικὸς Γρηγορίου τοῦ Δεκαπολίτου, πάντῳ ὠφέλιμος καὶ γλυκύτατος κατὰ πᾶλλα περὶ ὀπτασίας, ἣν τις Σαρδανηκὸς ποτε ἰδὼν, ἐπίστευσε μαρτυρήσας διὰ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰ. Χριστοῦ.* Въ первый разъ издано въ Римѣ въ 1642 г., а потомъ въ приложеніи къ Acta ss., aprilis III, подъ 23 апрѣля (стр. XXXV—XXXVII); переиздаю С. Муретовымъ въ Чтеніяхъ въ общ. люб. дух. просв., 1894 г.

ческое приуроченіе событія дается въ первыхъ же словахъ: *Ὁ στρατηγὸς Νικόλαος, ὁ λεγόμενος Ἰουλαῖς, διηγήσατό μοι, ὅτι ἐν τῇ ἰδίᾳ πόλει, ἦν καλοῦσιν οἱ Σαῤῥακηνοὶ τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ Ἀμπελον, ἀπέσταλ(κ)εν ὁ Ἀμερουμνῆς (=араб. Amir mushini, титуль калифа) Συρίας τὸν ἴδιον ἀνεψιὸν... Ἐστὶ δὲ ἐκεῖ ναὸς μέγας καὶ ἀρχαῖος καὶ θαυμαστός τοῦ ἁγίου καὶ πανεδόξου μάρτυρος Γεωργίου.* Храмъ св. Георгія привлекъ къ себѣ вниманіе сарацина, который приказалъ своимъ рабамъ внести въ него вещи, а потомъ ввести и верблюдовъ, числомъ 12. Напрасны были мольбы священниковъ не оскверняютъ храма; непреклонный сарацинъ настоялъ на своемъ. Но какъ только верблюды вошли въ храмъ, они тотчасъ же пали. Вслѣдъ за этимъ чудомъ послѣдовало и другое, еще большее. Такъ какъ день былъ праздничный, то священникъ, несмотря на присутствіе сарацина, долженъ былъ начать проскомидію. *Ὡς δὲ εἶδε ταῦτα ὁ Σαῤῥακηνὸς προσεδόκει ἰδεῖν τί μέλλον ποιῆσαι ὁ ἱερεὺς. Ἀρξαμένου οὖν τοῦ ἱερέως τῆς θείας προσκομιδῆς, καὶ λαβόντος τὸν ἄρτον ποιῆσαι τὴν ἀνάμικτον θυσίαν, ὁ Σαῤῥακηνὸς δὲ εἶδε τὸν ἱερέα, ὅτι παιδίον ἔλαβε ταῖς χερσὶ, καὶ ἔσφαττεν αὐτὸ κερῶν τὸ αἷμα αὐτοῦ ἐν τῷ ποτηρίῳ, καὶ τὸ σῶμα αὐτοῦ κλῶν, θείξ ἐν τῷ δίσκῳ.* Видя дѣтубійство, сарацинъ пришелъ въ ярость, но во время входа видѣніе снова повторилось. Онъ еще яснѣе увидѣлъ *τὸ παιδίον ἐν τῷ δίσκῳ μεμελισμένον εἰς τέσσαρα καὶ τὸ αἷμα αὐτοῦ ἐν τῷ ποτηρίῳ.* Когда вѣрующіе съ благоговѣніемъ приступили къ принятію св. таинъ, сарацинъ въ третій разъ увидѣлъ тѣло и кровь дитяти. Послѣ окончанія литургіи, ему стало ясно, что это было лишь видѣніе, котораго не удостоился даже совершитель таинства. Потрясенный, онъ сталъ просить священника крестить его, но священникъ, страшась мести Амерумнеса, отослалъ его на Синай, гдѣ его крестилъ епископъ. Спустя три года, въ сарацинскую землю снова явился видѣвшій чудо сарацинъ, но уже—облеченный въ убогую власяницу отшельника. Его стремленіе склонить къ вѣрѣ въ Христа своего родственника Амерумнеса не увѣнчалось успѣхомъ: онъ остался упорнымъ почитателемъ Магомета,—и проповѣдникъ, монахъ Пахомій, потерпѣлъ мученическую смерть.

Въ древне-русской литературѣ былъ распространенъ сокращенный пересказъ этой повѣсти, съ надписаніемъ: Слово ш срацининѣ, крестившемся ѿ видѣннѣ въ храмѣ св. Георгіа.

Онъ входитъ въ Прологъ подъ 26 ноября, въ Макарьевскія Четьи-Минеи, Соф. сп., № 1319, л. 719 сл., и въ разные сборники XVI—XVII вв. Здѣсь кратко передается та-же исторія обращенія сарацина евхаристійнымъ чудомъ, что и въ *Λόγος ιστορικός*, съ указаніемъ на сходный источникъ: *повѣдаше Оуласъ*, но мѣсто событія приурочивается къ городу *Діа-сполу*.

Гораздо подробнѣе развито образное толкованіе литургіи—въ соотвѣтствіи съ чудомъ евхаристіи—въ другомъ вариантѣ восточнаго сказанія, извѣстномъ по славянскому тексту, напечатанному г. Калуѣнскіи подъ заглавіемъ: *Сказаніе Амфилога царя ш святѣи литургии*. Фабулярная сторона сказанія соотвѣтствуетъ *Абг. истор.*: та же дерзость язычника сарацина, пришедшаго въ христіанскій храмъ съ верблюдами, которые сразу пали, то же любопытство, то же вразумленіе посредствомъ чуднаго видѣнія и обращеніе въ христіанство. Но мѣстомъ дѣйствія здѣсь является уже *Іерусалимъ*; сарацинъ, удостоившійся созерцать чудо, называется царемъ *Амфилогомъ*, который должише изъ та хѣта поганымъ сарациномъ, а его братъ—*Кликанцемъ*; послѣдній уже не казнить увѣровавшаго, но, подъ вліяніемъ его проповѣди, крестится самъ и вмѣстѣ съ нимъ отправляется на общій подвигъ миссіонерства. Если исключить изъ сказанія объ Амфилогѣ историческую обстановку, получится значительная часть содержанія Слова Григорія Богослова. И видѣ (Амфилогъ) попа пристоупающа къ святѣи трапезѣ. И просвѣтиса лице его якъ слънце, а ризы его яко огнь, когда приступи къ святому жертovníку. И не показа Богъ поганому просѣбузы, но показа ему дѣтище образъ свой. И множество аггелъ стоюще шкръсть съ оружіемъ. И нача поплъ заклати дѣтище, и авіе истече кровь и вода. По искончаніи же того, егда рече поплъ: Пресвятую чистую, въ тѣи часъ приступиша множество аггелъ, подеише рѣцѣ за весь миръ христіанскій ¹⁾. Далѣе важнѣйшіе моменты литургіи ознаменованы въ сказаніи дѣйствіями ангеловъ, совершенно аналогичными съ тѣми, о которыхъ разсказывается и въ Словѣ Григорія. Предъ чтеніемъ апостола речета *Михаилъ*:

¹⁾ По изд. *Калужняцкаго*, Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ, на-ход. въ библ. и архивахъ Львовскихъ, стр. 26 слѣд.

Видѣмъ, а Гавриилъ рече: Миръ всѣмъ. И начнеть чисти поспъ евангеліе, и въ то время трицать ангель взимають съ похвалою слова та, не сати на небо. Удаленію бѣса ангелами во время молитвы объ оглашенныхъ, о которомъ говорится въ Словѣ Григорія, соотвѣтствуетъ здѣсь борьба добрыхъ и злыхъ ангеловъ у дверей алтаря: тогда исхнійдоуть ангели божіи, свѣтліи, держаще въ рѣкахъ шрѣжїа огньнаа, а друзїи тьмїи аггели, обвѣтающе керем свѣтми, хотаще прельстити его. И не измогоса дойти дверїи шьлтаря, срѣтають бо ихъ божїи аггели, имаще шрѣжїа пламеннаа, и штженоут тьмнїа аггелы прочь. Въ дальнѣйшемъ есть подробности, какихъ въ словѣ Григорія нѣтъ. Въ освященїи даровъ принимаетъ участіе св. Духъ, который спускается на нихъ въ видѣ голубя. Самъ Христось приходитъ съ апостолами и цѣлуетъ дары и священнослужителя. При словахъ: „примите, ядите“—хлѣбъ претворяется до половины, а послѣ словъ: „пїйте отъ нея вси“—совершается полное пресуществованіе даровъ. Послѣ совершенія литургїи, когда священникъ поднесъ Амфилогу просфору, послѣдній сказалъ ему: Видѣхъ та, окаяне, чимъ еси служилъ, яко дѣтище еси зарѣзаль. Священникъ отвѣтилъ: Таковаго чюда никтоже не видѣ, ни свѣтїи штець Василїе, ни Григорїи, еже ты, царю, видѣл. — Несмотря на всю близость сказанія объ Амфилогѣ къ Слову Григорія, нельзя предположить непосредственной зависимости одного изъ нихъ отъ другого: въ противномъ случаѣ упоминаніе о Григорїи Богословѣ, какъ о лицѣ, которому не была открыта тайна евхаристїи, въ первомъ изъ нихъ было бы непонятно.

Въ сокращенной редакціи апокрифическое сказаніе объ Амфилогѣ сохранилось въ южно-русскихъ литературныхъ памятникахъ XVII в.: въ „Небѣ новомъ“ Голятовскаго и въ „Мессїи Праведномъ“. Нач.: „Амфилогъ царь Сарацинскїи поганинъ въ Іерусалимъ пришель до церкви на службу божю, и въ той часъ видѣлъ Христа, яко дитятко малое, которое священникъ на оларѣ зарѣзаль, для того поставилъ сторожу около того священника, жебы не утеклъ“¹⁾. Въ этой редакціи сказаніе встрѣтилось намъ также въ одномъ любопытномъ сборникѣ Моск. Синод. библ. (изъ Моск. Ставропигїального Симонова мон.), новаго письма, — посвя-

¹⁾ Небо новое з новыми звѣздами сотворенное, Львовъ, 1865, л. 52 об.

щенномъ „святѣйшей евхаристіи“. Здѣсь заключается цѣнное указаніе на источникъ, изъ котораго перешло оно въ русскую литературу: *Исторія откровеній литургіи* (*Historia revelationum missarum?* ¹⁾),—вѣроятно, чрезъ посредство какой-нибудь редакціи польскаго Великаго Зеркала, изъ котораго вошли въ сборникъ всѣ другія повѣсти о чудесахъ и дѣйствіяхъ евхаристіи.

Проф. Веселовскій указалъ на близость къ сказанію объ Амфилогѣ одного эпизода изъ западно-европейской средневѣковой легенды о Большомъ Гралѣ, Граль—это апокрифическій сосудъ, которымъ пользовался Спаситель на тайной вечерѣ и въ который при страданіяхъ была собрана Его кровь. Первымъ хранителемъ его былъ Іосифъ Аримаѣйскій; отъ него онъ перешелъ къ его родственникамъ, священникамъ и царямъ. Отъ Граля исходятъ чудеса: онъ питаетъ, исцѣляетъ, даетъ силу, спасаетъ на судѣ и въ битвѣ. Культъ Граля въ нѣкоторыхъ случаяхъ отождествился въ легендѣ съ таинствомъ евхаристіи. На почвѣ этого отождествленія въ кругъ связанныхъ съ нимъ чудесъ вошло и бродячее чудо съ откровеніемъ въ евхаристіи младенца для вразумленія невѣрующаго: сюжетъ тотъ же, но развитіе его — въ новой географической обстановкѣ и съ новыми легендарными приуроченіями. Совершитель Евхаристіи, анонимный священникъ предыдущихъ сказаній, соотвѣтствуетъ здѣсь Іосифу, сыну Іосифа Аримаѣйскаго, обладателя даргоцѣнной чаши. Мѣстомъ чуда является, не поддающійся точному опредѣленію изслѣдователей, городъ Sarras,—ср. соzv. *Σαράσσις* въ *Αδύ. Ιστορ.*,—расположенный гдѣ-то между Babylon и Salavandre, гдѣ находится храмъ солнца. Обращаемый къ вѣрѣ—тамошній царь Eualach или Hevalach,—ср. *Амфилогъ*,—Mesconnéus (неузнанный) ²⁾. Проповѣдуя имя Христова, Іосифъ Аримаѣйскій со своими спутниками приходитъ изъ Іерусалима въ Sarras. Здѣсь Господь чрезъ Іосифа приготовляетъ царя Эвалаха къ принятію христіанской вѣры. Послѣ разныхъ чудесъ, Господь, для вразумленія Эвалаха, вручаетъ сыну Іосифа таинство своей плоти. На глазахъ всѣхъ

¹⁾ Неизвѣстнаго мнѣ средневѣкового автора.

²⁾ Пользуемся извлеченіями изъ *Le saint Graal*, ed. Hucher, t. II, стр. 127 и др., сдѣланными А. Н. Веселовскимъ, Разысканія, XVII, 338 слѣд.

Онъ самъ, въ сослуженіи ангеловъ, ставитъ его епископомъ, возлагаетъ на голову митру, вручаетъ посохъ и перстень, помазываетъ елеемъ и затѣмъ приказываетъ новопоставленному совершить таинство евхаристіи. Іосифъ—сынъ приближается къ ковчегу Граля, который чудесно расширяется. Когда онъ произнесъ слова Спасителя, установившія евхаристію, хлѣбъ и вино превратились въ тѣло и кровь. Іосифъ-сынъ ясно увидѣлъ, что держитъ въ рукахъ какъ-бы тѣло дитяти: *et lors vit Iosephe tot apiertement ke il tenoit entre ses deux mains un cors autressi comme d'un enfant.* Видѣніе повергаетъ его въ ужасъ, вызываетъ слезы, а Господь приказываетъ раздробить на три части то, что онъ держитъ: *Il ÷te couvient desmenbrer se que tu tiens, si que il y ait trois pièches.* „Будь милостивъ къ твоему рабу“ — говоритъ Іосифъ—сынъ, прося не подвергать его необходимости разнимать на части *si bieles figure.* Но Господь непреклоненъ. Онъ отвѣчаетъ: „если ты не исполнишь моихъ повелѣній, ты не будешь имѣть части въ моемъ наслѣдіи“. Тогда Іосифъ исполняетъ приказаніе. Онъ беретъ ребенка, отдѣляетъ голову отъ туловища—такъ легко, какъ будто бы тѣло ребенка было совершенно мягко, какъ мясо, оставленное долго на огнѣ (*si mist la tieste à une part et deseavra del bu autressi légièrement comme si la cars de l'enfant fust toute quite en tel manier que on quite char, quant on l'oublie sour le fu*); такъ же поступаетъ онъ и съ другими частями. Но онъ повинуется приказанію съ ужасомъ, вздохами и слезами. Во время дѣйствія ангелы стоятъ колѣнопреклоненные. Господь говоритъ Іосифу: „зачѣмъ ты медлишь теперь? бери то, что передъ тобой, это твое спасеніе“. Тогда Іосифъ падаетъ на колѣни, ударяетъ себя въ грудь и молить о прощеніи грѣховъ. Поднявшись, онъ видитъ на дискосѣ только хлѣбъ. Но когда онъ начинаетъ вкушать его, въ его рукахъ снова оказывается ребенокъ. Онъ вкушаетъ его и ощущаетъ внутри себя прежде, чѣмъ успѣли закрыться уста. Причащеніе даетъ ему ощущеніе неизреченной сладости. Когда Іосифъ причастился, явившіеся три ангела выносятъ чашу, дискосъ и *saint esquièle* (сосудъ Граля) къ вѣрующимъ. Съ каждымъ изъ причащающихся повторяется то-же чудо ¹⁾. Вскорѣ послѣ этого событія царь

¹⁾ Въ прозаическомъ *Персеваль* конца XII в., изд. Potvin омъ (Регев.

Эвадахъ, побѣдившій къ тому же, съ помощью христіанскаго Бога, Птолемея египетскаго,—крестится.

Очевидно, эпизодъ въ легендѣ о св. Гральѣ и прежде сообщенныя нами сказанія о сарацинскомъ язычникѣ, расходясь въ частности, восходятъ къ одному источнику и имѣютъ въ виду одно событіе: обращеніе къ вѣрѣ евхаристійнымъ чудомъ какого-то сарацинскаго царя. Общій источникъ отразился своими слѣдами не только въ сходствѣ положеній, но и въ созвучіи именъ: *Амфилогъ*—*Evalach*, *Σαρραχηροί*—*Sarras*. А. Н. Веселовскій¹⁾, желая опредѣлить мѣсто, къ которому приурочивается эпизодъ легенды о св. Гральѣ, когда-то,—на основанія созвучія *Амфилогъ*—*Nevalach*—*Evalach* съ *Navila*—*Evilat*,—искалъ его въ Евилотской землѣ (Быт. I, 25), локализуемой на югѣ Аравіи, въ Іеменѣ, цари котораго около 500 г. приняли іудейство, а нѣсколько позже и христіанство. Впослѣдствіи онъ отказался отъ своей гипотезы, замѣнивъ ее новыми предположеніями²⁾. Мы позволили бы себѣ подчеркнуть локализацию чуда въ *Λόγ ἱστορ.: ἐν τῇ ἰδίᾳ πόλει, ἢν καλοῦσιν οἱ Σαρραχηροὶ τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ Αμπελον.* Первый издатель греческой легенды комментируетъ это указаніе такъ: in Thebaide, paulo antequam Gregorius Decapolita floreret a Saracenis occupata, existere etiam nunc oppidum, *el-Carme* dictum. Итакъ, входившій въ составъ Декаполя, *Диосполь* русской редакціи соотвѣтствуетъ городу *Σαρραχηροί* (общее названіе сарацинскаго города)—*Αμπελος*—*el-Carme* на туземномъ нарѣчьи. Между тѣмъ *Σαρραχηροί* созвучно съ *Sarras*. А. Н. Веселовскій указалъ городъ *Amroelossa*, упоминаемый Плиніемъ (5, 16), въ Декаполѣ, но не исаврійскомъ, гдѣ родился Григорій Декаполитъ, а сирійскомъ, расположенномъ къ югу отъ Гадары. Но тогда остается совершенно непонятною топографія сказанія въ его русской редакціи, такъ какъ ни откуда не видно, чтобы городъ *Amroelossa* когда-либо назывался *Диосполемъ*. Можетъ быть, можно

le Galois, 1), рассказываетъ, что когда Граль проносили чрезъ залу предъ *Gauvain*-омъ, li sable, qu'il voit anni le Graal la forme d'un enfant (стр. 88—89).

¹⁾ *Амфилогъ*—*Evalach* etc. Журналъ мин. нар. проев., 1889 г., 262, стр. 376 слѣд.

²⁾ Гдѣ сложилась легенда о св. Гральѣ? Навѣстія отд. р. яз. и слов. Ак. н., 1900 г., 5, стр. 429 и др.

было бы, съ нѣкоторыми натяжками, приурочить прототипъ разбираемыхъ легендъ къ Египту, несмотря на то, что въ легендѣ о св. Гралѣ разбираемый эпизодъ переносится куда-то въ при—евфратскія мѣстности. Известно, что имя *Диосполь* было названіемъ египетскихъ городовъ, находившихся подъ покровительствомъ бога Аммона. Кромѣ Диосполя великаго.— Оивъ существовалъ еще Диосполь малый, расположенный въ верхнемъ Египтѣ, метрополія 7-го нома (древн. Ра-ашенхарт). При Птолемеяхъ онъ иногда назывался *Kenem*==*el-Carne*==*Amelos*, городъ виноградниковъ, а въ коптское время *Gou*. Разбираемые варианты легенды вышли изъ предполагаемаго древняго первоисточника во время распространенія христіанства въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ, когда уже сдѣлались извѣстными имена великихъ святителей—Василія Вел. и Григорія Богослова, упоминаемыхъ въ сказаніи объ Амфилогѣ, когда успѣлъ уже сдѣлаться древнимъ и приобрести почетную извѣстность христіанскій храмъ, посвященный св. Георгію Побѣдоносцу, упоминаемый въ *Абѹ. ѳотор*.

Переходимъ теперь къ другимъ сказаніямъ на ту же тему, но—съ иными приуроченіями и подробностями содержанія. Въ западно-европейскихъ литературахъ издавна превращеніе евхаристійнаго Агнца въ Младенца было однимъ изъ многочисленныхъ вариантовъ чудеснаго откровенія евхаристіи. Въ цвѣтущую эпоху средневѣковья евхаристія была окружена массой благочестивыхъ сказаній, повѣствовавшихъ о многообразныхъ чудесахъ и дѣйствіяхъ ея. Изъ такихъ сказаній составлялись цѣлые сборники для назидательныхъ и проповѣдническихъ цѣлей. Въ другіе сборники они входили составной частью, рядомъ съ византійскими апокрифами и благочестивыми повѣстями, касающимися другихъ элементовъ христіанскаго вѣро—и нравоченія. Таково, между прочимъ, *Magnum Speculum exemplorum* со своими многочисленными предшественниками въ соответствующемъ родѣ. Черезъ посредство польскаго *Wielkie Zwierciadlo* въ 17 в. оно сдѣлалось достояніемъ русской литературы съ именемъ „Великаго Зеркала“¹⁾. И въ латинскомъ подлинникѣ, и въ польскомъ и русскомъ

¹⁾ Мы пользуемся латинскимъ изданіемъ: *Magnum Speculum exemplorum Joannis Majoris, Coloniae Agrippinae, a. M. DCCXVIII*, и русскими списками. Моск. Синод. библ. №№ 99 и 100.

переводахъ, собранныя изъ разныхъ источниковъ, повѣсти о чудесахъ и дѣйствіяхъ евхаристіи и вообще литургіи выдѣлены въ нѣсколько главъ: eucharistia, communio, missa. Во второй половинѣ 17-го вѣка, подъ вліяніемъ возникшихъ у насъ споровъ о пресуществленіи св. даровъ, повѣсти Зеркала, основывавшія реальность пресуществленія на фактическомъ преданіи, сдѣлались чувствительной потребностью въ нашемъ популярномъ чтеніи. Немного позже, вѣроятно, въ 18 в., какой-то благочестивый русскій книжникъ извлекъ изъ Зеркала всѣ, относящіяся къ евхаристіи, повѣсти, изъ которыхъ составилъ сборникъ: „О святѣйшей евхаристіи“, кажется, никѣмъ еще не обслѣдованный. Списокъ этого сборника Сян. библ. (Симон. мон.), новаго письма, любезно указанный намъ Н. П. Поповымъ, заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ повѣстями ссылки на ихъ источники, изъ которыхъ онѣ вошли и въ *Magnum Speculum*, какъ видно изъ соотвѣтствующихъ указаній послѣдняго. Въ русскихъ стихахъ Зеркала такихъ указаній не имѣется.

Въ большинствѣ вошедшихъ въ Зерцало повѣстей о чудесныхъ откровеніяхъ евхаристіи раскрывается мотивъ созерцанія на трапезѣ младенца. Отчасти это—рѣшительныя заимствованія изъ восточныхъ патериковъ и житій святыхъ, отчасти — самостоятельные побѣги средневѣковой фантазіи, усвоившей восточный образъ. Другіе образы, подъ которыми открывалась тайна плоти Христовой, близко сосѣдять съ этимъ основнымъ. Такъ, изъ житія папы Григорія (кн. 2, л. 41) проникъ въ Зерцало рассказъ о томъ, какъ, по молитвѣ св. Григорія, для увѣренія простодушной женщины, дары всенародно превратились въ плотяной палецъ ¹⁾. Одинъ переписчикъ русскаго перевода Зеркала прочиталъ вм. славян. „персть“—„персть“ (Моск. Синод. библ. № 100, л. 313); въ результатъ получился странный вариантъ повѣсти, рассказывающій о превращеніи св. даровъ въ персть. Въ другихъ повѣстяхъ Зеркала пресуществленіе даровъ доказывается случаями видимаго превращенія ихъ въ мясо и кровь. Такого видѣнія удостоился, напр., одинъ нерадивый священникъ во Франціи, о которомъ рассказывается въ Запискахъ

¹⁾ *Magnum Speculum*, 271.

Гугона Линконіенскаго ¹⁾. Или: въ странѣ Богемской, въ гор. Бреславлѣ, іудеи, издѣвавшіеся надъ дарами, къ ужасу своему—увидѣли кровь, истекшую изъ нихъ ²⁾. Иногда вѣрующіе созерцали на престолѣ, вблизи потира, самого Христа. Такое созерцаніе, напр., было наградой за благочестивую жизнь одного священника всякій разъ, когда онъ совершалъ литургію,—впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не убилъ въ своемъ огородѣ поросенка, принадлежавшаго сосѣду. Послѣ раскаянія его снова стало посѣщать прежнее видѣніе ³⁾.

Мотивъ созерцанія евхаристійнаго ребенка въ разныхъ повѣстьяхъ Зеркала развитъ съ различными географическими и историческими приуроченіями, иногда и совсѣмъ безъ нихъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ не сопровождается здѣсь подробностями объ ангельскомъ служеніи въ пламени. Отмѣтимъ важнѣйшіе пересказы чуда съ указаніемъ на ихъ источники, въ посредственной или непосредственной зависимости отъ которыхъ находился collector Speculi.

1) Eucharistiam in formam pueri mutatam, et ab Angelo in partes sectam, quidam dubitans senex aspexit. Нач.: Narravit Abbas Daniel.. Magnum Speculum, Eucharistia, exempl. 1, p. 266. Изъ Vitae patrum.

То же евхаристіе въ видѣ отраченія премоуны и ѿ аггловизъ въ части рѣдроблено бысть, нѣкій усумнѣвающійся старецъ видѣ. (Зерцало Моск. Синод. 6. № 100, л. 309). Первая изъ патеричныхъ повѣстей съ именемъ аввы Даниїла.

2) Eucharistiam in formam pueri mutatam devotissimus Plegus Abbas aspexit et amplexus puerum dulcia oscula labii fixit. Exempl. II, p. 267. Изъ Vitae patrum.

Во евхаристіи отроча плегин пресвутера видѣ, вѣнмаше и іиса хрѣта гда лобызаше (№ 100, л. 310).

Какой-то ревностный священникъ Plegus, или Plegils (у Вильгельма Мельмсберійскаго), или Флегонтъ (въ сборн. Симон. мон-ря),—созвучн. съ Амфилогъ, усердно умолялъ Бога явить ему въ евхаристіи самое существо тѣла и крови. Однажды, во время пресуществленія даровъ, предъ нимъ

¹⁾ Magnum Speculum, 272—3, Ex magna legenda S. Hugonis Linconiensis Episcopi.

²⁾ Magnum Speculum, p. 273.

³⁾ Magnum Speculum, p. 113.

предсталъ съ неба ангель со словами: встань, приближься къ престолу, здѣсь присутствуетъ самъ Господь, одѣтый въ такую одежду, въ какой носила его пресв. Дѣва Марія. Трепещущій священникъ увидѣлъ на престолѣ Младенца—Сына Божія, котораго нѣкогда Симеонъ удостоился воспріяты на руки. Ободряемый ангеломъ, онъ взялъ Его, дрожащими руками прижалъ къ груди и, обнявши, сталъ цѣловать Его съ неслышною любовью, прижимая свои уста къ Его устамъ. Потомъ, положивъ Его на дискосъ, онъ сталъ умолять Бога о превращеніи даровъ въ прежній видъ. Молитва сразу была исполнена.

3) *Communicantis indigne, hostiam nivea columba in nocte Nativitatis absumens, volavit, et post confessionem reportavit. Communio, exempl. IX, p. 114—115.* Источникъ—*Dialogus miraculorum, Caesarii Heisterbracensis, монаха цистерціанскаго ордена († между 1240—50 гг.)*.

Причащающагося недостойнѣ, причастіе вѣла голубица вземши отлѣтъ, по исповѣданіи же пакы принесе.

Троекратно во время совершенія литургіи однимъ, совершившимъ смертнѣй грѣхъ, священникомъ, во Франціи, слетавшая съ неба голубица выпивала св. кровь изъ чаши и возносила агнецъ на небо. Взлетая на небо въ третій разъ, она возносила агнецъ, изображавшій превѣчнаго Младенца.

4) *Eucharistiam frangens in missa Presbyter visus est a puero quodam infantem in frustra concidere. Exempl. XV, p. 272.* Замѣств. изъ сочиненія: *De scala coeli*, авторъ котораго—*Joannes Aedigius, sive Iunior* (Іоаннъ Младшій 1406).

Еucharистіе рѣдываше ѡ литургіи стѣи пресвѣтеръ, видѣно бысть дѣтницемъ нѣкимъ тако отроча рѣсѣцаше (№ 100, л. 314).

Приводимъ русскій текстъ по списку № 100 цѣликомъ:

Написано есть, тако монахъ нѣкій часто бываше въ дому единого бѣгороднаго, иже имѣаше сѣа единого малыи суца лѣты. Сему монахъ вещи ему свойственныя приношаше, за еже оный дѣтницъ монаха онаго зѣлъ люблаше, и по немъ хуждаше. во едино же время за нимъ иде во цѣковь, и дѣже той монахъ служаше бжѣвенную литургію. дѣтницъ же оный стоише влѣ того кѣромонаха, видѣ гавственнѣи въ руцѣ егѣ отроча. Посемъ егда узрѣ преломленіе и причащеніе, авіе вѣла и сокрѣса дивна, егда же того испаху,

шрѣтоша, но нѣкимъ же образомъ хотѣше ити. егда же иеромонахъ хотѣше привести его, начатъ дѣтищъ вопити, ради бга помозите ми; ибо се иеромонахъ хоцетъ съжсти мѧ, такоже днесь по цркви съжде дѣтище сѣло прекрасное. Егда же его вопрошаху, что се бл҃гше, сказа всѧ по ряду, еже во алтарѣ вѣ рукахъ того иеромонаха видѣ (л. 314).

5) *Christus apparet in sacramento altaris in forma speciosi pueri. Euchar., exempl. XXI, p. 276.* Источникъ—*Vita venerandi Sacerdotis Henrici Brunè, scripta per Thomam à Kempis, cap. 7.*

Благочестивый мужъ, усомнившійся, по ухищренію діавола, въ евхаристіи, увидѣлъ въ рукахъ литургисавшаго священника прекраснаго младенца.

6 *Miraculum въ главѣ Fucharistia, exempl XXVIII, p. 279, со ссылкой, какъ на источникъ, на Оому Бозія,—Thomas Bozjus (1593), Libri de signis Ecclesiae Dei (1590).*

Въ 1253 г., однажды, во время совершенія литургіи придворнымъ священникомъ въ Парижѣ, вознесенныя дары всѣмъ присутствующимъ представились въ видѣ прекраснаго дитяти. Видѣніе продолжалось, пока священникъ не опустилъ рукъ. Извѣщенный объ этомъ Людовикъ отказался прийти въ храмъ для созерцанія чуда, будучи и безъ чуда увѣрөнъ въ истинности пресуществленія.

7 *Missam in peccato celebrante sacerdote, visus est in altari puer vehementer renitens, ne insumeretur. Missa, exempl. VIII, p. 507.* Въмѣсто указанія на источникъ послѣ статьи стоитъ: *Collector speculii hujus, слѣдовательно — Іоаннъ Старшій, издавшій собраніе exemplorum въ 1603—7 гг. Но въ названной выше ркп. Симонова мон.—„О святѣйшей евхаристіи“ подѣ статьею стоитъ имя „собирателя зерцала Германа“.*

Во грѣсѣ съжжаше единъ пресвитеръ, видѣно бысть отроча возбраняющееся зсты тогда пресвитера пожирати на алтарѣ. (№ 100, л. 266).

Реализмъ чудснаго откровенія доведенъ здѣсь до крайнихъ предѣловъ: въ моментъ причащенія нечестиваго священника младенецъ сопротивляется руками и ногами. Вотъ русскій, переводъ разсказа по сп. № 100.

Пресвитеръ инокій мирскій по единъ днь (dum quadam die) литургисаше, другіи же при немъ ѣ нимъ съжжаше, видѣ на пострѣ

во время причащенiа не хлѣба видѣ, но отроча. еже егда пресвѣтеръ понесе хоташе пожирати, начатъ ѿ него лице ѿвращати отроча, а не хоташе пожретиса, противность рѣкама и ногама показоваше (*manibus et pedibus reluctari*). сіе не единою, но многажды, оныи блѣговѣйныи искусныи челоуѣкъ видѣше, семъ той же пресвѣтеръ между прочими вещми сказа сіе, како колнко краты тѣло гнѣ пріемлю (проп.: *cum tanta difficultate sumo, quod mirari non sufficio*), той же рече, совѣщаю ти да исправниши животъ твой, ибо сіе и ово видѣхъ о тебѣ. еже змѣшивъ пресвѣтеръ, житіе премѣни, и ѿ того времени начатъ лучше жити, егда же посемъ литургисаше, той же блѣговѣйныи видѣ, како тое отроча сложивъ рѣцѣ и нозѣ, со многою скоростію вхуждаше во уста пресвѣтера онаго.

Другой подобный же разсказъ, въ которомъ сопротивленіе дитяти видятъ самъ причащающійся священникъ, входитъ въ сборникъ „о святѣйшей евхаристіи“, со ссылкой на *Kazar* (=Caesarius?).

Болѣе сложную обработку чуда съ превращеніемъ даровъ въ младенца представляетъ собою русскій разсказъ изъ Житія Іосифа Волоколамскаго ¹⁾, вошедшій также въ Волоколамскій патерикъ ²⁾. Во время борьбы Іосифа съ жидовствующими одинъ еретикъ, по словамъ живописца Федора, сына живоп. Діонисія Мудраго, притворно раскаявшійся въ ереси и получившій санъ священника, надругался надъ дарами. „И въ нѣкій день служивъ литургію, прииде въ домъ свои, потиръ имѣя въ руку свою, печи тогда горящи, и воляя изъ потира въ печь, отъиде: а подружіе (жена) варящи ястіе, и узрѣ въ печи въ огни отроча мало, и гласъ отъ него изыде глаголя: ты мя здѣ огню предаде, а азъ ты предамъ вѣчному огню. И абие отверзися покровъ избы, и прилетѣша двѣ птицы и взяша отроча, и полетѣша на небо: таже покровъ ста, якоже и прежде“. Всѣ составныя подробности этой обработки чуда легко могутъ быть разобраны. Подробность о похищеніи евреями даровъ

¹⁾ Житіе Іосифа Волок. издаво *Невоструевымъ* въ Чтеніяхъ въ Общ. Любит. Дух. проsv., 1865 г.

²⁾ *Кадлубовскій*, Очерки по исторіи древне-русской литерат. жит. святыхъ, стр. 131—132, 149 слѣд.

изъ любопытства или изъ желанія надругаться надъ ними была широко распространена въ древнихъ и средневѣковыхъ легендахъ: съ ней встрѣчаемся и въ житіи Василія Великаго, приписанномъ Амфилохію Иконійскому. Въ Вел. Зерцалѣ есть рзасказъ объ одномъ еврей, принесшемъ изъ храма во рту преподанные ему дары и закопавшемъ ихъ въ землѣ. Когда это мѣсто было раскопано, тамъ оказался ребенокъ (№ 100, л. 309). Птица, возносящая евхаристійнаго агнца на небо, также — сюжетъ, широко распространенный въ христіанскихъ легендахъ. Можетъ быть, онъ выросъ изъ символическаго представленія св. Духа въ видѣ голубя, спускающагося на дары. Ср. родственную подробность въ западной легендѣ о возношеніи на небо Агнца въ видѣ ребенка бѣлой голубицей. Образъ евхаристійнаго младенца—Иисуса, скрываемаго въ домѣ еретика, по ассоціаціи, въ житіи Іосифа встрѣтился съ апокрифическимъ сюжетомъ о чудесномъ спасеніи отрока Іисуса, преслѣдуемаго евреями. Этотъ сюжетъ спустился въ русскую народную словесность и художественно развитъ въ духовномъ стихѣ о Милосердной или Аллилуевой женѣ: спасая отъ евреевъ младенца Іисуса, Божія Матерь пришла съ Нимъ къ Аллилуевой женѣ, топившей въ это время печь. Желая спасти Христа, жена, по приказанію Божіей Матери, бросила своего ребенка невредимо въ печь, а Христа пришедшимъ евреямъ назвала своимъ сыномъ ¹⁾. Детали аналогичнаго разсказа пристроились къ образу евхаристійнаго младенца; въ результатъ получился эпизодъ съ пребываніемъ его въ печи.

Какъ ни разнообразны рассмотрѣнныя восточныя и западныя обработки чуда явленія младенца въ евхаристіи, оно въ нихъ вездѣ сохраняетъ свою первобытную конкретность. Въ различныхъ оболочкахъ историческаго повѣствованія этотъ сюжетъ удовлетворялъ и тревожимой сомнѣніями совѣсти древняго аскета, и благочестивой фантазіи средневѣковаго католика, и стремленію къ конкретности религиозныхъ представленій у нашихъ предковъ. Углубляясь въ отдаленную исторію его зарожденія, въ поискахъ его конечной основы, нужно литературные факты поставить въ связь

¹⁾ *Безсоновъ*, Калѣвки переходже, IV, стр. 117 слѣд.; *Варенцовъ*. Сборн. русскихъ дух. стиховъ, 176.

съ данными иконографическаго искусства и близкими къ нимъ основама христіанскаго вѣроученія. Извѣстно, что въ исторіи литературнаго творчества христіанскихъ народовъ иконографія имѣла очень большое значеніе. Вдохновляясь литературными замыслами, даже апокрифическими и легендарными мотивами, иконографическое искусство, съ своей стороны, постоянно возбуждало поэтическую фантазію къ творчеству и поддерживало образность его. Такъ было и въ исторіи интересующаго насъ сюжета. Изображеніе Христа—младенца на дискосѣ было всегда распространено въ восточной церкви. „Удивительно, говорилъ патр. Досиѣеи на Іерусалимскомъ соборѣ, что еретики не видѣли Іисуса Христа, изображеннаго въ алтарѣ подѣ видомъ дитяти на священномъ дискосѣ“ ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ аеонскихъ храмахъ до сихъ поръ уцѣлѣли древнія изображенія Агнца въ видѣ младенца Іисуса, раздѣляемаго вѣрующимъ (въ церкви Успенія Богородицы въ Протатѣ), какъ и изображенія ангеловъ литургисающихъ (въ лаврѣ св. Аеанасія, въ Йверскомъ монастырѣ ²⁾). Младенецъ Христосъ изображенъ, какъ извѣстно, также на деревянномъ сосудѣ св. Сергія Радонежскаго. Подобнаго сюжета не чуждалась и иконографія Запада. Христосъ изображенъ являющимся въ гости на картинахъ мессы Григорія В. ³⁾, или въ чашѣ, съ которой рисовались Іоаннъ Фасиндо и св. Гугонъ Линкольнскій, Сюда же относится и, нѣкогда распространенный на Западѣ подѣ вліяніемъ Византіи, типъ „крылатаго“ Іоанна Предтечи съ чашей въ рукахъ, въ которой лежитъ младенецъ Христосъ. Этотъ образъ еще недавно встрѣчался въ католическихъ храмахъ нашего юго-западнаго края. Такимъ образомъ, данныя иконографіи свидѣтельствуютъ о древности и большой распространенности представленія евхаристіиной жертвы въ образѣ младенца. Въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ этимъ представленіемъ находятся многочисленныя сказанія о младенцѣ—Христѣ въ литературахъ разныхъ народовъ. Даже въ народной поэзіи южныхъ славянъ существуетъ образъ св. младенца, Божича

¹⁾ *Corblet*, Histoire dogmatique, liturgique et archéologique de sacrement de l'eucharistie Paris, 1886, t. II, 523.

²⁾ *Покровскій*, Стѣнныя росписи древнихъ храмовъ греческихъ и русскихъ. Труды 7-го археологич. съѣзда, т. I, 265—7.

³⁾ I. E. Wessely, Iconographie Gottes und der Heiligen, Leipzig, 1874, 210.

Іисуса. Онъ попалъ на небо, взятый у Матери ангелами тотчасъ послѣ рожденія, и въ разныхъ образахъ является къ людямъ на землю ¹⁾. Есть свидѣтельство о существованіи во Франціи въ XI в. легенды о реликвиі частей тѣла младенца Іисуса, принесеннаго ангеломъ ²⁾.

Когда-то *Буслаевъ* пытался объяснить иконографическій сюжетъ Христа—младенца въ чашѣ изъ образа „крылатаго“ Іоанна Предтечи, который держитъ на блюдѣ отсѣченную голову или же агнца, вземлющаго грѣхи міра. Этотъ послѣдній символъ былъ подвергнутъ запрещенію на 6 вселенскомъ соборѣ, предписавшемъ вмѣсто ягненка изображать самого Христа въ человѣческомъ образѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію *Буслаева*, на блюдѣ стали изображаться младенецъ—Христосъ ³⁾. Взглядъ *Буслаева* согласуется съ мнѣніемъ *Симрока* ⁴⁾, который и эпизоды изъ легенды о св. Гралѣ ставилъ въ зависимость отъ чествованія Іоанна Предтечи (*agniferus*). Но теперь авторитетъ названныхъ ученыхъ не можетъ имѣть для насъ обязывающаго значенія, такъ какъ уже одна древность иконографическаго сюжета младенца-Христа, встрѣчающагося даже въ катакомбахъ, въ связи съ древностью литературныхъ обработокъ его, не позволяетъ выводить его изъ образа Іоанна Предтечи, извѣстнаго съ именемъ *agniferus*. Гораздо проще и естественнѣе объяснить

¹⁾ Вотъ отрывокъ изъ одного сербскаго стиха, приводимый въ „Очеркѣ культурной исторіи южныхъ славянъ“ проф. *И. Н. Смирнова*, (изданномъ подъ редакціей проф. *Александрова* въ Ученыхъ Зап. Казанскаго Универс. 1904 г. Сент., стр. 16).

Въ гуртъ имъ мѣнастирь
И въ манастирь килии;
Въ килии свита Мърии
Христа и Богъ дубиль...
Одле Божи, Госпуди
Коі ми уткраднѣ детиту
Ангель уд нибо прудумъ:
Мълчи, Мъринка, ни плъчи
Тоіту і дети при Богъ
Къ злыто столчи съгеши

²⁾ Gaston Paris, Histoire poétique de Charlemagne, Paris, 1865 г., p. 57.

³⁾ *Буслаевъ*. „Отчетъ о шестнадц. присужденіи награды гр. Уварова“, 62 слѣд.—„Сравнит. изученіе народнаго быта и поэзіи“. Русскій Вѣстникъ, 1874, апр., стр. 646 слѣд.

⁴⁾ Parzival und Titurel. Dritte Ausgabe, Stuttgart und Augsburg. 1857.

этотъ сюжетъ, въ его начальномъ происхожденіи, изъ сплетенія общеизвѣстныхъ христіанскихъ понятій. Евхаристія въ христіанскомъ вѣроученіи издавна была связана съ идеей дѣйствительнаго принесенія себя въ жертву Сыномъ Божиимъ. Но въ библейской литературѣ было обычно представленіе Отдавашаго себя въ жертву въ видѣ покорнаго дитяти. Классическое выраженіе этого представленія находится у прор. Исаи. Въ XLII гл. по тексту 70-ти читаемъ: *Ἰάκωβ ὁ παῖς μου, ἀγαπήσθαι αὐτοῦ* etc.; въ гл. LII: *Ἰδοὺ οὐνήσι ὁ παῖς μου* etc. Къ этому образу невиннаго отрока, единогласно относимому новозавѣтными писателями къ Мессіи, естественно было прислониться религіозной мысли, силившейся представить конкретно мистическую идею евхаристійной жертвы. Къ нему пристала идея заколѣнія, связанная съ представленіемъ ветхозавѣтной жертвы. Сліяніе этихъ конкретныхъ понятій и создало сюжетъ заколаемаго дитяти, послужившій зерномъ, изъ котораго развились разнообразныя благочестивыя сказанія и который въ Словѣ Григорія Богослова приобрѣлъ значеніе толкованія на литургію вообще ¹⁾. Что касается другихъ подробностей, сопутствующихъ основному сюжету въ большинствѣ сказаній, то онѣ также легко объяснимы изъ общеизвѣстныхъ христіанскихъ представленій. Огонь, среди котораго совершается тайна пресуществленія, даже и внѣ сферы христіанскихъ понятій, всегда считался очистительной стихіей. Съ огнемъ часто еще въ ветхомъ завѣтѣ были связаны дѣйствія и явленія Бога. Участіе ангеловъ въ совершеніи литургіи вытекаетъ изъ ихъ назначенія быть служителями Божиими. Отцы церкви издавна учили объ ихъ невидимомъ присутствіи въ храмѣ и сослуженіи священнику. Въ *Speculum Magnum* вошла выдержка изъ письма св. Нила, ученика Іоанна Златоустаго къ еп. Анастасію, въ которой разсказывается, будто Іоаннъ Златоустъ почти всегда во время священнослуженія видѣлъ, предстоящихъ и сослужащихъ у жертвенника, ангеловъ. При началѣ возношенія даровъ они сходили

¹⁾ Въ „Учительномъ Извѣстіи“ священнику запрещается причащаться св. даровъ, которые покажутся ему въ видѣ младенца (или плоти), если этотъ видъ не измѣнится, „ибо не суть сія тѣло и кровь Христова, но точію чудо отъ Бога, невѣрства или иныя ради вицы явлено“. Отложивъ „претворенный въ чудо“ агнецъ, онъ долженъ взять другую просфору и совершить надъ нею проскомидію и „вся по ряду“.

съ неба въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, съ обнаженными ногами и съ поникшими взорами, и предстояли съ такимъ почтеніемъ, какъ будто видѣли предъ собою на престолѣ Царя царствующихъ. Во время причащенія они незримо преподавали причастіе вѣрующимъ ¹⁾. Ученіе о таинственномъ священнослуженіи ангеловъ встрѣтилось съ символическимъ представленіемъ о діаконѣ какъ объ образѣ ангела. На почвѣ этого сближенія въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ ангеламъ приписываются тѣ слова и дѣйствія, которыя обычно произноситъ и совершаетъ діаконъ. Такъ, въ Словѣ Григорія и въ сказаніи объ Амфилогѣ ангелы произносятъ возгласы: „премудрость“ и „вонмемъ“, выводятъ оглашенныхъ, переносятъ священные предметы и проч.

Н. Тумицкій.

¹⁾ Magnum Speculum, 507. Sanctus Nilus Abbas discipulus S. Iohanni Chrysostomi, epistola ad Anastasium episcopum.